PG 3467
.N36 L5
1871
Copy 1

J. Nefedov.

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 1799
Book .N4
YUDIN COLLECTION

Nefedov, Filipp Dionisovich.

Leshiĭ oboshel

Д 26.41-74

ЛѢШІЙ ОБОШЕЛЪ.

НАРОДНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

Тихо, незамѣтно у насъ въ Арменкахъ проходитъ «новый годъ». Знаютъ, что на утро будетъ Васильевъ день, а что «новый годъ» будетъ, такъ это ты поди прежде грамотѣ поучись,—въ календарѣ почитай... Ничего намъ пока, кромѣ новаго горя и новыхъ заботъ, не приносили эти «новые годы»-то. Вотъ Васильевъ вечеръ, особенно ежели Васильевъ день, такъ это у насъ всѣ знаютъ и почитаютъ: оттого, что вечеромъ этимъ дѣвки гадаютъ, парни рядятся медвѣдями и пугаютъ по селу бабъ. Самый праздникъ пуще того намъ памятенъ, потому, можетъ, еще прадѣды-то наши знали, что этимъ временемъ надо уходить въ село Васильевское, въ двухъ верстахъ отъ насъ—потому въ этотъ день престолъ тамъ бываетъ. Ну, ужъ и празднуютъ же наши мужики въ Васильевскомъ! Цѣлый вечеръ, съ сумерекъ и до самой полуночи, ходятъ они изъ одной избы въ другую и все угощаются: попьютъ у одного, пойдутъ,—къ другому, отъ этого къ третьему, да такъ изъ конца въ конецъ и обойдутъ подъ-рядъ всѣ избы въ селѣ. За то ужъ, какъ вернутся съ праздника, никого изъ нихъ узнать невозможно: точно они изъ-подъ Севастополя домой воротились, всѣ въ ранахъ и увѣчьяхъ....

— Н-ну, праздникъ! скажутъ наши, которые оставались дома и не ходили въ Васильевское, и руками даже отъ ужаса при этомъ разводятъ.—Эка, угостились-то, образа человѣческаго ни на комъ нѣтъ... Ахъ, вы прокаженные, прокаженные!

А прокаженнымъ совсѣмъ ужъ не до того: поскорѣе схватятъ изъ дома, что попало на глаза, и прямо въ кабакъ, либо

PG3467
.N36L5
1871

трактиръ! Съ недѣлю пьютъ, чтобы оправиться, и развѣ только къ Крещенью мало-мальски очувствуются. Всю эту недѣлю по селу плачъ и ревъ идетъ...

— Иродъ! да што-жъ ты это дѣлаешь? голоситъ какая-нибудь баба! — Гдѣ у тебя полушубокъ-то?

— Н-нѣ-ѣ-тъ, подожди, каторжникъ, за женнину одежду приниматься! происходитъ на улицѣ, въ очью всѣхъ, борьба между двумя супругами. Свою-то одежду прогулялъ, теперь за тестево приданое принимаешься. — Мучь, уродуй! Я все перетерплю, а приданаго моего тебѣ пропивать не дамъ! Мнѣ бабушка-то его собирала-собирала...

— Опусти! вопитъ супругъ. Я тебѣ такую бабку задамъ!... а?.. Я въ полномъ положеньѣ, а ты?.. Ты законъ-то видно позабыла? Накось, что вздумала: супротивъ Господнева закона?

А трактирщикъ нашъ, Вонифатій Михайлычъ, выдетъ въ барашковомъ тулупѣ на расписное крылечко и глядитъ, какъ мужикъ съ своей бабой управляется, — и посмѣивается.

— Ничего! Я вытерплю! не перестаетъ оглашать улицу бабій голосъ.

— Увидимъ! У-увидимъ! Я погляжу, какъ ты это стерпишь... Опусти!.. Ты знаешь ли, что бываетъ за неповиновеніе—умереть на мѣстѣ? Да я тебя къ мировому сичасъ, а то и прямо къ преосвященнѣйшей владыкѣ? Вѣдь за эвто, Стешка, ахъ какъ съ тебя взыщутъ! Законъ, дура!.. Поняла ли? Да лучше ужъ отдай сарафанъ по любови! Что тебѣ въ немъ? Невидаль какую нашла?

— Ай, Евклей! Вотъ молодецъ, сичасъ умереть, хвалитъ мужика Вонифатій Михайлычъ:—какъ онъ женѣ законъ-то преподаваетъ!

— Да, внушаетъ знатно! покрикиваетъ изъ окна цѣловальникъ, высунувши на улицу свое румяное лицо. Вѣдь вотъ, сосѣдъ, человѣкъ, кажись, не ученый, а не хуже любого попа законъ этотъ помнитъ. Дастся же человѣку такой разумъ.

А человѣкъ съ такимъ разумомъ ужъ стрѣлой несется въ кабакъ, держа въ рукахъ отнятый сарафанъ...

Кабакъ въ Арменкахъ изъ старины, никто и не запомнитъ, когда онъ завелся, а трактиръ у всѣхъ на памяти: ровно шестнадцать годовъ, какъ пріѣхалъ въ село Вонифатій Михайлычъ, и построилъ на мужицкой землѣ, подлѣ самаго кабака, большой деревянный домъ, а спустя этакъ года три еще подстроилъ и вывелъ другой этажъ. Очень выгодно ему у насъ содержать трактиръ: по середамъ базары, народа всякаго съѣзжается нѣсть числа, а что до прислуги, такъ наши мужики больше за даромъ

отправляютъ у него должность половыхъ и много остаются довольны, когда Вонифатій Михайлычъ поподчуетъ за услугу стаканчикомъ водки. Обыкновенно мы для трактирщика всякую вещь дѣлаемъ сообча, всѣмъ селомъ: воду носимъ ему, дрова рубимъ, и въ городъ съ нимъ за покупками ѣздимъ. За то и Вонифатій Михайлычъ насъ не оставляетъ: сиди у него сколько душѣ угодно, никогда онъ тебя не выгонитъ, словомъ дурнымъ не обзоветъ, развѣ только кто пьянъ въ кабакѣ напьется да къ нему ругаться придетъ, того, извѣстное дѣло, въ три жилы.

Часто, зимней порою, забираемся мы въ трактиръ и просиживаемъ тамъ долгіе вечера: кто сидитъ и пьетъ чай, кто водку; больше однако такъ, праздно время проводятъ, на разговорахъ, потому у насъ въ карманахъ-то одна только дыра въ горсти...

Собрались мы такъ-то однажды подъ новый годъ къ Вонифатію Михайлычу и посиживаемъ. Онъ намъ чайку собралъ, потому мы ему этимъ днемъ хлѣвъ для скотинки исправили, и стойло лошадямъ оборудовали.

День былъ простой, небазарный, и потому, кромѣ своихъ, никого въ этотъ вечеръ изъ гостей не случилось въ трактирѣ. Забрались мы, выходитъ дѣло, въ большую комнату, самую лучшую. Вонифатъ оклеилъ ее газетами, да генералами конными, «дворянскою» звалъ. На столѣ свѣча горѣла, а въ углѣ топилась желѣзная печка, смотрѣть любо. И про зиму забыли мы, въ этой благодати сидѣвши. Въ окна нѣтъ-нѣтъ да снѣгомъ ударитъ, на улицѣ вѣтеръ воетъ, а намъ и горюшка мало. Вой, молъ, сколько твоей душѣ угодно. Намъ здѣсь тепло.

Подошелъ тутъ къ нашей компаніи Ѳедоръ Григорьевъ,— Галченкомъ звали. Христосъ знаетъ, почему его такъ прозвали, да и не одного его, а и отца и дѣдушку такъ величали. Когда отецъ и дѣдъ находились въ живыхъ, въ селѣ ихъ такъ отличали одинъ отъ другого—Галченокъ самый старый, Галченокъ середній и Галченокъ молодой. Старые галчата примерли, остался одинъ молодой, и ужъ съ тѣхъ поръ его стали звать просто Галченокъ. Званье это, впрочемъ, ему какъ разъ къ шерсти подходило: былъ онъ изъ себя низенькій такой, худенькій, но бойкій, шустрый мужичонка, какъ есть галка, а когда до разговоровъ дѣло доходило, такъ онъ, бывало, одинъ десятерыхъ переговоритъ!

— Чай да сахаръ, народъ честной! сказалъ онъ, проворно подходя къ столу съ полштофомъ, какой онъ прихватилъ у трактирщика. Можно мнѣ къ вашей бесѣдѣ присѣсть?

— Садись, садись! пошутили мы съ нимъ.—Мѣста у насъ

хоша и немного, а для твоего полштофа найдемъ,—раздвинемся. Присаживайся!

— Галченокъ усѣлся и полуштофъ предъ собой на столъ поставилъ.

— Да тебя, милый человѣкъ, съ чѣмъ не поздравить ли? освѣдомлялся у Галченка Максимъ кривой и по плечу его хлопнулъ.

— Я сюда отъ Фектиста-дворника, отвѣчалъ Галченокъ.— Встрѣтилъ у него проѣзжаго нерехчала, запродалъ ему малость пеньки...

— Вотъ это любезное дѣло! радостно заговорили чаевники. Значитъ ты намъ таперича чай-то нашъ винцомъ смочишь?.. Это ты, галка, хорошо выдумала,—даромъ что птица!..

— Мы выдумаемъ,—похвалился Галченокъ, наливая стаканъ. Только вотъ моя бѣда, ребята, сплоховалъ я, продешевилъ пеньку-то. Кабы не подушныя, деньгу бы хорошую я за нее на базарѣ слизалъ.

— Разговаривай про подушныя-то! Тебѣ хоть продать было что, а мы животы-то свои разглядывали-разглядывали на дворахъ, ничего не укусили...

— И вѣдь этакой народъ продувной эти нерехчане! продолжалъ Галченокъ, выпивая за разъ стаканъ,—мало того, что цѣной они тебя нажмутъ, да еще и обвѣсить наровятъ. Какъ ни смотрѣлъ я за нимъ, а безпремѣнно онъ меня, безмѣнная душа, фунтовъ на десять обогрѣлъ!

— Еще Бога благодари, ежели на десять только. Онъ тебя на половину охватитъ, такъ и то не примѣтишь. Не даромъ про нихъ говорятъ, что нерехчане Волгу на безмѣнѣ переплыли...

Выпили мы такимъ манеромъ Галченковъ полштофъ — и сами ему на отместку ухитрились другой собрать.

— Что на дворѣ творится—страсть! Заговорилъ Галченокъ, воротившись изъ двора, куда онъ, послѣ второй выпивки, ходилъ за деньгами, какія отъ подушнаго оставались. Такъ и мятетъ, такъ и вздуваетъ, свѣта божьяго не видать! Какъ на утро намъ будетъ къ престолу идти?

— Къ престолу-то? Небойсь, къ нему сыщешь дорогу, потому, вишь, тутъ не молотить, а вино пить...

— А что, ребята, правду это толкуютъ, что въ ночь на Васильевъ день черти больно людей нудятъ? спросилъ кто-то.

— Бываютъ такіе разговоры! Самому чтобъ видѣть,—Богъ избавилъ; а на кого эта напасть находила, такъ тотъ памяти рѣшался, а то и всей жисти. Я такъ отъ старыхъ людей слыхалъ, что и мятель они же поднимаютъ: потому выходитъ этимъ

дьяволамъ на Васильевъ день воля—покружить по бѣлому свѣту до вторыхъ пѣтуховъ. Вотъ они, вылетѣвши, и примутся чудить, такъ что крыльями своими весь снѣгъ взмѣсютъ. Вотъ отчего каждый годъ на Васильевъ день крутятъ мятели-то.

— Эвто такъ: мятель нечистыя силы вздымаютъ, сказалъ Галченокъ. Дьяволъ — продувная шельма! онъ не только мятель вздыметъ, а сичасъ на себя какой угодно ликъ можетъ принять, крестьянина ли, али животины какой...

— Дѣло! Галченокъ правду сказываетъ, объ этомъ всѣ очень даже наслышаны, какъ это онъ, т.-е. переметывается въ разные образы,—согласилась компанія; а Галченокъ,—видючи, что всѣ его уважаютъ, да и кромѣ, какъ выпивши находился, здорово забахвалился и принялся мужиковъ ругать.

— Слышали, слышали,—разливая водку благопріятелямъ, словно бы писарь на сходкѣ, важно заговорилъ онъ. А что вы слышали, когда я его самъ видѣлъ своими глазами — вотъ все равно какъ васъ вижу, такъ и его видѣлъ... Пейте-кось, а я вамъ разскажу. У меня еще порядкомъ денегъ-то отъ пеньки осталось...

— Неужли же ты его самъ видѣлъ?

— Кабы не видѣлъ, такъ и не говорилъ! Вотъ прислушайте на досугѣ: разъ подъ Васильевъ день меня лѣшій обошелъ... Натерпѣлся страху, признаться! И сичасъ морозъ по кожѣ деретъ, какъ рожу его идольскую вспомяну...

— Что врешь? Будто ужъ и въ рожу видѣлъ?

— Вѣрное слово,—подтвердилъ Галченокъ. Завтра великъ-день, врать не стану!

— Какой же онъ собою изъ лица?

— Собою онъ, какъ есть настоящій человѣкъ, а лицомъ ни дать ни взять, швецъ Макаръ, какой вотъ по селамъ ходитъ и намъ полушубки шьетъ.

— Что ты! Вр-решь?

— Вѣрно слово.

— А ты побожись!

— Да по мнѣ пожалуй! Я и побожиться готовъ, потому правда была.

— Побожись большой божбой: лопни моя утроба.

— Хорошо! Лопни моя утроба! безъ всякаго испуга побожился Галченокъ этой страшной клятвой.

— Значитъ правда, братцы! Гдѣ же ты его увидѣлъ?

— А повстрѣчался я съ нимъ на пути. Тутъ еще я помню, снѣгъ высыпалъ это большой—бѣда!..

Мужикамъ такъ любопытно показалось начало Галченкова

разсказа, что многіе, бросивши чай, вылѣзли изъ за своихъ столовъ и къ намъ подошли.

— Н-ну, Галченокъ! Дѣйствуй! Разсказывай! всѣ мужики обратились на нашъ столъ съ такимъ приказомъ.

Галченокъ началъ разсказъ.

— Ровно два года прошло тому, ребята, какъ меня этотъ лѣшій обошелъ. Пошелъ я наканунѣ самаго праздника въ Васильевское, къ Василью Иванычу. Знахаря Василія Иваныча знаете? Такъ вотъ это я къ нему пошелъ. Какъ сичасъ помню, послѣ погоды, ясный такой день стоялъ: на дворѣ такъ-то важно морозъ потрескивалъ. Знатно меня о ту пору въ армяченкѣ моемъ пробрало! Ну, вѣдомое дѣло, пришелъ и говорю:— Здравствуй молъ, Василій Иванычъ!—Здорово, говоритъ, Ѳедоръ Григорьичъ! Садись. Пріятели мы съ нимъ, извѣстно, большіе!..

— Ну, зачалъ фастать! перебила компанія. Василій-то Ивановъ, небойся, почище насъ съ тобой. Онъ такихъ-то пріятелей отъ своей избы запоромъ по шеѣ гоняетъ. Ты намъ разсказывай про лѣшаго, а пріятство свое подъ копыту себѣ положи.

Тутъ Галченокъ разозлился и закричалъ на мужиковъ:

— А вы коли слушать взялись, такъ слушайте, не перебивайте! А еще вино мое пьете... Я вамъ все по порядку началъ объяснять, а вы галду подняли... Какъ не стыдно въ компаньи хорошей поступать такъ, на чужія деньги пимши?.. Н—ну и ладно... Пришедши, эвто я въ избу къ Василью Иванову, сѣлъ на лавку; а у него, ребята, вездѣ боченки съ виномъ понаставлены, такъ по всей избѣ духъ и разносится! На полицахъ у него рыба, пироги; — все къ престолу, значитъ заготовлено!—Я къ тебѣ за дѣльцемъ, говорю, Василій Иванычъ!— За какимъ такимъ дѣльцемъ? спрашиваетъ. — Нѣтъ ли у тебя, пріятель, травки какой: жена больно разнемоглась, животъ у ней расхватило; изъ дома, говорю, почти выжила!—Какъ не быть, есть! говоритъ.—Для тебя, для друга, найду. Далъ онъ мнѣ этой самой травы и что съ нею дѣлать написалъ на бумагѣ.—Ты, говоритъ, хошь грамотѣ и не знаешь, но все равно, когда жена выздоровѣетъ, съѣшь ты эту бумагу; а теперь вари эту траву въ трехъ кипяткахъ и послѣ горячей обкладывай кругомъ того мѣста, гдѣ у твоей жены больно. Черезъ три дня, толкуетъ, какъ рукой сниметъ! Ну, однако, и голова же этотъ Василій Иванычъ! Какъ молвилъ, такъ и вышло: послѣ трехъ денъ у Ѳедоски животъ унялся, — здоровѣй прежняго можетъ, въ десять разъ стала. Какъ корова какая разбухла. Поблагодарилъ я его, положилъ эту самую траву къ себѣ въ штаны и собираюсь уходить, а онъ: «погоди, говоритъ. Выпь

емъ съ тобой по стаканчику!»—На праздникъ, говорю, къ тебѣ завтра приду, а нонѣ не стану...

А онъ:—«Праздникъ само собой, а нонче мы съ тобою въ честь предпразднества выпьемъ. Ну-ка, поздравь меня съ наступающимъ-то ангеломъ, вѣдь я завтра именинникъ». Какъ тутъ не выпить? Надо друга поздравить! — Ангелу твоему, говорю, желаемъ златъ вѣнецъ, а тебѣ добраго здоровья, Василій Иванычъ! Выпили. За первымъ по другому пропустили. Ну, стакашки по три мы съ нимъ тутъ и качнули. Гляжу: въ избѣ что-то темнѣть стало. Потому дѣло было на вечеръ ужъ. Засидѣлся я у тебя, Василій Иванычъ, говорю, надо засвѣтло ко дворамъ пробираться. Прощай!—А на дорожку-то! Выпей!

Распростился я тутъ съ нимъ послѣ послѣдняго стакашка, и вышелъ на улицу. Ничего! На улицѣ еще свѣтло - засвѣтло, а подъ горой гдѣ солнышко садится, нёбушко ровно бы пожаромъ залитое, такъ и горитъ все, такъ и пылаетъ! Иду—и на благодать эту любуюсь. Думаю: какъ это Господомъ все чудесно устроено. Тамъ вонъ нёбушко, тутъ землица,—снѣжокъ хруститъ подъ ногами... А у самого на душѣ такъ-то спокойно,—такая-то теплынь по сердцу разливается. Глядь: кричитъ кто-то: Ѳедоръ Григорьичъ! Обернулся—Никита Пѣгой!—А-а! Никита Васильичъ! Съ наступающимъ! А онъ, Богъ его знаетъ, выпимши что ли былъ, или такъ баловался,—только пляшетъ себѣ лапотками по снѣгу, улыбается мнѣ—и пѣсню поетъ:

Эхъ! удалая голова!
Нех-ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда!

Потомъ закричалъ: «заверни, другъ! Мимо двора не ходи!» Я ему даю отвѣтъ, что, молъ, ко дворамъ поспѣхаю,—запоздалъ! Онъ мнѣ, шутова голова, опять съ танцами своими и со смѣхомъ шумитъ: «въ раю, говоритъ, не будешь, а дома будешь! Привертывай въ хату, у насъ она топленая». Подумалъ, подумалъ,—нельзя не завернуть, мужикъ тоже хорошій—изстари мы съ нимъ хлѣбъ-соль водимъ. Съ Пѣгимъ-то, видно, тоже стакашка по два али, можетъ, и по три мы протащили! Въ избѣ ужъ лучину зажгли... Шабашъ! Никакими силами, думаю, дальше никто не удержитъ,—домой!—Подемъ вмѣстѣ, я хоть до околицы тебя провожу, говоритъ Пѣгой. А то будь другъ—останься до завтра, переночуй у меня! — Что ты, кричалъ я ему, нешто можно! Я съ травой, говорю, къ больной женѣ иду. Пошли! Дошли мы до околицы, а тутъ какъ разъ кабачекъ стоитъ и цѣловальникъ-то давнишняя закадыка намъ, обоимъ!..

Пропустили мы съ Пѣгимъ въ этомъ кабакѣ по малой толикѣ и на разставаньи остановились мы съ нимъ, на дорогѣ, и цѣлуемся,—вдругъ изъ села Андрюшка бѣжитъ, Матвѣевъ сынъ.—Куда?—Да вотъ на праздникъ на завтрешній, говоритъ, винца бѣгу взять! Не хотите ли испробовать?—Какъ можно! Надо поспѣшать, запоздалъ! Пѣгой меня упрашивать сталъ: завернемъ, говоритъ, Григорьичъ! Кинемъ, кричитъ, битку въ конъ,—вѣдь праздникъ завтра. Дѣла что ли за нами какія?—Оглашенный, говорю,—да ты позабылъ, что я съ травой? Вѣдь у меня жена на смертной постелюшкѣ лежитъ. Распростились! Пошелъ я,—саженъ пять отошелъ али нѣтъ,—глянулъ вверхъ, анъ ужъ тамъ мѣсяцъ взошелъ,—ночь свѣтлая! Ворочусь, думаю, опять въ кабакъ, теперича тамъ народу много, а при этакой свѣтлынѣ какъ домой не дойти. Вотъ я взялъ и повернулъ назадъ. Ну и чудесно! Сичасъ вина стаканъ спросилъ себѣ и сижу; а изъ села-то народъ такъ и валитъ къ цѣловальнику. Кто шубу несетъ ему, кто овцу тащитъ, а одинъ мужичекъ, не будь дуракъ, свинью даже къ нему приволокъ со всѣми малолѣтками. Хрюкаютъ онѣ у него въ мѣшкѣ! Смѣхъ! «Вотъ онъ праздникъ-то что, батюшка, значитъ»! Смѣялись мужики. А я тѣмъ временемъ все ко дворамъ собираюсь,—думаю про это вино: нѣтъ, молъ, шалишь,—не соблазнишь больше, сейчасъ встану и пойду, а самъ все ни съ мѣста! Только встану, хочу идти,—глядь ужъ кто-нибудь и кличетъ тебя: «Ѳедоръ Григорьичъ! Ну-ка съ наступающимъ-то»!.. Насилу я изъ кабака выбрался! Думаю: пьянъ я теперь: возьму ночую у Пѣгова. Вышелъ на волю—какъ ни въ чемъ — трезвый разтрезвый, какъ есть ни въ одномъ глазѣ. Коли такъ, не останусь у Пѣгова, пойду домой. А Пѣгой мнѣ и говоритъ, словно бы онъ ко мнѣ цѣлый вѣкъ пришитъ былъ: «полно тебѣ брехать! Ну, куда ты теперь домой пойдешь? Переночуй у меня, вѣдь ты ужъ совсѣмъ хмѣльной!» — Невозможно, говорю, — меня дома съ травой ждутъ... Ни за что, я не пьянъ... Ну, ребята, теперь надо выпить,—оборвалъ Галченокъ свой разговоръ и налилъ стаканы.—Надо горло промыть.

— А что-жъ ты про лѣшаго-то когда!

— Сичасъ и про лѣшаго рѣчь, отвѣчалъ Галченокъ. Потому и пью, что дѣло къ самой страсти подходитъ. Хорошо-съ! Распростились мы съ Пѣгимъ и пошелъ я въ Арменки. Иду себѣ, ничего!.. Ночь мѣсячная, вокругъ далеко видно, а снѣгъ такъ и свѣтится! Иду я и гляжу на мѣсяцъ, а мѣсяцъ такой явственный, словно живой съ нёбушка-то на меня глядитъ и будто то-есть киваетъ мнѣ и, къ примѣру, надъ моей выпивкой

усмѣхается. Взялъ и я разсмѣялся!.. И представился онъ тогда мнѣ какимъ-то знакомымъ молодцомъ! Вижу, парень знакомый, а никакъ не могу сообразить, кто онъ, изъ какого села и гдѣ я его видалъ... Засмѣялся онъ тогда надо мной пуще прежняго; а я на него въ обиду втяпался. Уставился я на него глазами и кричу: ой, не смѣйся, молодецъ! Ты можетъ думаешь, что я пьянъ? Такъ это ты напрасно, пріятель! Я можетъ потрезвѣе тебя, въ тыщу разъ; а ты вотъ такъ пьянъ, — это я вижу; а я ни чуточки, иду какъ есть трезвый жену лечить, — лекарствица ей несу — травки Господней... И что вы думаете, мужики? Мѣсяцъ-то мнѣ вслухъ и заговорилъ: «Ахъ ты, пьяница, пьяница! Какъ ты мнѣ такія слова можешь говорить? Нешто я, небесная свѣтила, могу, говоритъ, какъ ты по кабакамъ шастать да съ пріятелями вино пить. Меня за то солнышко свѣтлое въ Сибирь можетъ сослать»! Ну, думаю, мѣсяцъ-то тоже, должно быть, праздникъ-то шибко зачуялъ. Когда это съ нимъ бывало, чтобы онъ разговоръ съ простымъ мужикомъ завелъ!

Мужики разсмѣялись.

— Неужели же онъ съ тобой въявь толковалъ?

— Право слово! А что ежели со мной лѣшій встрѣнется? съ чего-то мнѣ вдругъ подумалось тогда. Да нѣтъ, какіе теперь лѣшіе, думаю: чай всѣ спятъ давно! Только, братцы, слыну позади меня ровно идетъ кто... Оглянулся. Точно идетъ высокій дѣтина въ новомъ дубленомъ полушубкѣ и кожаныхъ рукавицахъ, а на головѣ барашковая шапка надѣта. При мѣсяцѣ-то мнѣ все до ниточки видно! Нагналъ онъ меня. «Миръ дорогой, добрый человѣкъ!» говоритъ дѣтина.—Здорово и ты, коли не шутишь, говорю я, а самъ эвто гляжу ему въ лицо.— Ба! швецъ Макаръ? А парень въ дубленкѣ: «никакъ арменкій! Ты Ѳедоръ Григорьевъ»?— Я самый! Откуда тебя, Макаруша, Богъ несетъ? — «Да въ Аминово пробираюсь, говоритъ, правляющій женѣ салопъ хочетъ на лисьемъ мѣху дѣлать». Идемъ мы такъ-то съ швецомъ Макаромъ и разговариваемъ,— онъ шутки шутитъ, — веселый дьяволъ! и смѣется, да такъ нечто чудно смѣется. Я нѣтъ-нѣтъ да и взгляну на свово товарища, сбоку этакъ... Что за притча, думаю: онъ и швецъ Макаръ,—и словно бы не онъ! А Макарка-то, подлецъ, ужъ насчетъ дѣвокъ со мной завелъ матерію. «Деревенскія, говоритъ, мнѣ больно надоѣли, просто смерть, какъ опротивѣли. Таперича хочу, говоритъ, къ становихѣ къ одной къ молоденькой подбиться, мужъ-то у ней къ губернатору на распеканцію уѣхалъ, ну опа, значитъ, таперича въ горестяхъ; а то есть у

меня еще на примѣтѣ купеческая дочка, такъ эта грохочетъ, словно малина какая перезрѣлая, такъ лишь только взглянетъ на меня, такъ вся и разваливается, такъ и раскисаетъ... Слушаю я это и мекаю въ умѣ: чудеса, думаю: швецъ Макаръ вечеръ къ Кострому пошелъ, а вѣдь до города-то пятьдесятъ верстъ отъ насъ. Неужто онъ успѣлъ оборотить? Думаю такъ-то да гляжу сбоку на Макарку.., Э-э! Да ни какъ у него дубленка-то на лѣвую сторону застегнута! Точно на лѣвую... Ахъ, дуй те горой! Да у него, мошенника, и праваго уха нѣтъ [1]. Морозъ такъ и заходилъ у меня по закожью! Вотъ, молъ, онъ лѣшій-то какой бываетъ! Здоровенный этакій мужичина! Думаю: прямой лѣшій!.. Однакожъ собрался я съ духомъ да и говорю ему:—послушай-ка, почтенный, ступай ты съ Господомъ своею дорогою, а я пойду по своей: гусь свиньѣ не товарищъ! А онъ, чертовъ сынъ, только смѣется!—«Ничего, говоритъ, Галченокъ, вмѣстѣ-то намъ съ тобой поваднѣе будетъ дѣла обдѣлывать. Я тебѣ, говоритъ, такъ видно тому дѣлу и быть... я тебѣ эту самую барыню предоставлю, какую ты въ прошломъ году облюбовалъ». А ко мнѣ, признаться, прошлымъ-то лѣтомъ взъѣзжала на дворъ барыня какая-то проѣзжая — красавица изъ себя писанная!.. Ну я, примѣромъ, глядючи на нее, грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ: Эх-хъ, молъ!.. Живутъ же люди на свѣтѣ,— имѣютъ при себѣ супругъ... Не то что наши замарашки.

Мужики очень смѣялись, слушая, какъ Галченокъ въ грѣшной душѣ своей признается, а Галченокъ говорилъ:

— Тутъ, добрые люди, мнѣ ужъ не до смѣху стало. За молитвы я тутъ принялся. Самъ читаю, а у самого зубъ на зубъ не попадетъ: прочиталъ всѣ, какія мальчонкомъ узналъ. Не дѣйствуетъ и шабашъ! Идетъ со мной швецъ Макарка и все про барынь мнѣ да про купчихъ напѣваетъ. Ты, говоритъ, не гляди, что у нихъ такой важный да суровый видъ, это все приликъ одинъ, а на самомъ-то дѣлѣ въ нихъ такая же слабость засыпана, какъ и въ нашихъ деревенскихъ бабахъ. Не плохому, смущалъ меня Макарка, тебя обучаю, — хорошему. Вотъ какъ ты, говоритъ, по моей рекомендаціи къ какой-нибудь барынькѣ примажешься, — живи не тужи! Всѣ она тогда капиталы свои, землю и усадьбу подъ тебя подпишетъ...

— Тьфу, ты дьяволъ! Да у меня своя баба, думаю:—правда хворая, а все же она Богомъ самимъ мнѣ за грѣхи мои

---

[1]) Въ губерніяхъ: Костромской, Ярославской и Тверской существуетъ въ народѣ такое повѣрье, что лѣшаго можно всегда узнать по отсутствію у него праваго уха и по манерѣ застегивать одежду съ лѣвой стороны на правую.

присужона!... Не помню ужъ, ребята, что въ то время еще я думалъ. Только Макарка мнѣ вдругъ и говоритъ: «Давай-ка, другъ, съ тобой въ чехарду сыграемъ, — благо ночь свѣтлая!... Опять же холодъ этакой, живо согрѣемся»... А это ему хотѣлось на меня верхомъ-то всцарапаться да по чистому полю поѣздить!...

— Каковъ! каковъ! удивлялись мужики.

— Что дѣлать, думаю, бѣда мнѣ теперича пришла, заѣздитъ онъ меня съ маху, потому я мужичонка безсильный. На мое счастье вспомнилъ я, что вѣдь отъ лѣшаго-то есть заклятье. Остановился я и думаю: дай-ка я его этимъ заклятьемъ шарахну; а онъ догадался что ли, тащитъ меня, опомниться-то мнѣ не даетъ! «Нечего останавливаться-то, съ злостью уже закричалъ на меня ярыжная душа,—пойдемъ, сыграемъ въ чехарду»! А я какъ во всю мочь гааркну: овечья морда!.. овечья морда!.. И прямо, т.-е., голубчики мои, въ рожу ему такъ я и харкнулъ! Гляжу: ужъ швецъ Макарка, вовсе не швецъ Макарка. Выросъ онъ вдругъ съ колокольню большую, да какъ свистнетъ, да какъ захлопаетъ мерзлыми рукавицами, — оглушилъ совсѣмъ чортовъ сынъ! Отъ его посвиста снѣжная пыль поднялась, ледяныя висюлки съ звономъ съ деревъ посыпались, а самыя деревья съ жалобнымъ скрипѣньемъ такимъ маковками землѣ поклонились... «А, догадался, шумитъ. Ну, да ничего: будешь ты меня помнить»! А я все ему: овечья морда, морда! Тогда онъ видитъ, что дѣло его не выгорѣло, еще пуще въ рукавицы захлопалъ, да прыжками отъ меня саженъ этакъ по двадцати сталъ уходить... Я вамъ представлю сейчасъ, какъ онъ и прыгалъ-то; глядите, мужики... Вѣдь я все это самъ видѣлъ.

Галченокъ выскочилъ за стола и началъ предъ всѣми показывать въ лицахъ, какъ прыгалъ лѣшій. Мы такъ тутъ всѣ со смѣху и покатились. Очень чудно выходило!

— Только онъ не въ примѣръ выше прыгалъ, — я по ево не выпрыгну, пояснилъ Галченокъ. Онъ эвто прыгаетъ да въ рукавицы хлопаетъ, должно испужать меня еще крѣпче хотѣлъ; а я, видѣмши, что заклятье его до живого мяса хватаетъ, все это ему въ рыло-то и плюю: овечья, молъ, да овечья!.. Не по скусу, должно, голубчику, пришло, не вытерпѣлъ: какъ ударится отъ меня бѣжать, какъ припустится — только снѣгъ изъ-подъ копытъ у него къ небу взвился!... Утёкъ! Вотъ, братцы, простое заклятье, а я имъ только и отъ смерти отошелъ, ей-Богу!..

— Ну, чтожъ, нетерпѣливо перебили мужики Галченковъ разсказъ, — какъ кончилось, благополучно ли ты до села добрелъ?..

— И нѣтъ, братцы, не добрелъ! Успѣлъ онъ-таки обойдти меня, чортовъ сынъ! съ досадой проговорилъ Галченокъ и плюнулъ. Сплоховалъ я малость: надо бы мнѣ тотчасъ, не мѣшкамши, лѣвой ногой подъ хвостъ его пхнуть, и ничего, все бы благополучно окончилось, а я позапамятовалъ!.. Пошелъ я въ тѣ поры, какъ нечистая сила свалила съ меня и думаю: авось какъ-нибудь доползу. И вотъ сперва помню: мѣсяцъ пропалъ у меня изъ глазъ. Все свѣтилъ, все свѣтилъ до этого, а то вдругъ пропалъ, не стало его видно! Потомъ вѣтеръ страшенный поднялся и засвистѣлъ, и завылъ! Крутитъ, крутитъ такъ-то около тебя морознымъ вихремъ,—вдругъ р-разъ по рожѣ, такъ и всѣ глаза и заслѣпитъ!.. Такая мятель по всему полю пошла, ровнехонько ничего не видать! Колокольня у меня сначалу-то на виду была, а тутъ совсѣмъ изъ глазъ пропала! Что дѣлать? ходилъ, ходилъ, плуталъ, плуталъ—не найду дороги! А вѣтеръ ужъ ревъ какой-то неслыханный поднялъ, словно медвѣдь съ голоду... Вдругъ слышу: колокольчикъ гдѣ-то звенитъ. Слава тебѣ, Господи! Прислушиваюсь... Мятель ровно бы постихла... Точно колокольчикъ бьетъ и явственно бьетъ. Сердце мретъ у меня... Молюсь: Господи, вызвали! а колокольчикъ ужъ совсѣмъ близко. Гляжу тройка скачетъ и прямъ на меня. Посторонился... Тпррру! Стой! кричитъ ямщикъ и осадилъ лошадей. «Прохожій! взмолился мнѣ ямщикъ,—сдѣлай божескую милость, погляди на хомутъ у коренника: не разсупонился ли онъ у меня, — лѣшій этакой? Я сдуру-то и про мятель позабылъ, — радъ радехонекъ, что хоть живого человѣка въ мертвомъ полѣ встрѣтилъ. Гляжу, ничего: супонь крѣпко подтянута. Ну, я и говорю ямщику: поѣзжай, молъ, добрый человѣкъ, — сбруя на лошадкахъ въ порядкѣ. А коренникъ-то какъ захрапитъ, какъ зальется слезами... «Ѳедя! говоритъ. Или ты меня не узналъ?..» смотрю—и въ глазахъ у меня помутилось!.. Въ корню-то находился нашъ старый окружной,— давно ужъ онъ померши былъ; но, при своей жисти, бариномъ считался хорошимъ. Я сичасъ шапку долой передъ нимъ и тутъ же въ карманъ, по старой привычкѣ, полѣзъ, потому любилъ онъ — покойникъ, чтобы мужикъ при встрѣчѣ съ нимъ гостинецъ ему какой ни на есть жертвовалъ, хошь-бы, къ примѣру, махорки горсть, али сѣна клочекъ... Невзыскательный былъ, такъ мы, бывало, всякую дрянь валили къ нему въ тарантасъ... А онъ это замахалъ дугой, зазвенѣлъ колокольчикомъ и жалостно такъ говоритъ мнѣ: «не безпокойся, Ѳедя! Не лазь въ карманъ,—я теперича ни съ кого не беру...»

Слушаю я эту рѣчь и съ диву даюсь; а ямщикъ про-

клятый съ козелъ-то надо мной такъ-то ли грохочетъ, такъ-то ли издѣвается,—просто во все поле ржетъ.

— Что, говоритъ,—узналъ коренного? А? Теперича на пристяжныхъ погляди. Ихъ тоже, можетъ быть, не узнаешь ли?

— Взглянулъ!.. Силы небесныя! съ правой стороны запряженъ—баринъ нашъ старый — тоже покойникъ, да фартальный изъ нашего города... Обомлѣлъ я! А они мнѣ говорятъ: «не бойся ты насъ, мужичокъ, мы теперь люди стали смирные, добрые... Выѣздили насъ, самъ видишь какъ! Кости да кожа отъ прежняго тѣла остались!.. Тихо этакъ говорятъ, со слезами—и по глазамъ видно, что житье имъ у чорта не очень-то вольное... Однакоже, поглядѣвши на нихъ пристальнѣе, увидалъ, что они ужъ и зубки на меня оскаливать принялись... Тогда я въ безпамятствѣ драло отъ нихъ!

Долго ли я отъ нихъ бѣжалъ, коротко ли, — ужъ не помню. Только гляжу: церковь божія предо мною стоитъ—не деревенская, а городская, богатая церковь. Много свѣчей въ ней горитъ, — пѣвчіе, слышу, въ ней такъ-то ли гулко поютъ. Подхожу къ паперти; а на встрѣчу мнѣ та барыня, какая ко мнѣ во дворъ позапрошлый годъ въѣзжала и красотой своей на грѣшную думу меня навела. И говоритъ мнѣ та барыня: ахъ, Ѳедя! какъ я рада, что ты со мной встрѣлся!.. Вотъ вамъ правое слово, ребята, не лгу: такъ-таки и отличилась... Проводи меня до могилки моего супруга,—вмѣстѣ съ тобой мы его любезному праху поклонимся. Я ей даю отвѣтъ: съ нашимъ, молъ, великимъ удовольствіемъ, ваше высокоблагородіе! Она взяла меня за руку и повела за собою...

Тутъ, братцы, крѣпко она мою здоровенную, мозолистую ручищу своей бѣлой, мякенькой ручкой жала и горькими слезами плакалась: ахъ, плачетъ, лишилась я моего милаго супруга при младости моихъ лѣтъ. И я, видючи ея такія слезы, тоже навзрыдъ плакалъ... Чувствую, что стыдно мнѣ мужику по бабьему плакать, а самъ такъ и разливаюсь рѣкой—потому очень мнѣ жалко было...

Вдругъ, братцы, слышу я голосъ Василья Иваныча лекаря. Услышамши голосъ, проснулся—и вижу: стоитъ надо мною Василій Ивановъ и въ бокъ меня сапогами толкаетъ.

— Что ты, говоритъ, Григорьичъ, али ополоумѣлъ? Какъ не тебѣ не стыдно? Пришелъ на праздникъ, а самъ съ чужими бабами заигрывать принялся!.. Разѣ своей у тебя нѣтъ?..

Смотрю, а въ избѣ у Василія Иваныча бабъ видимо-невидимо — и всѣ онѣ надомной смѣются... Будто, т.-е. я въ пьяномъ полоумствѣ бѣгалъ за ними и руками ловилъ ихъ... По-

стыдили онѣ меня и ничего! Опять всѣ сѣли за столъ, а на столѣ у Василья (извѣстно, мужикъ богатый!) вино, пироги, капуста съ масломъ, судачинка это сушеная—просто ѣшь не хочу! Веселимся мы такъ-то у праздника, пируемъ и разлюбезно промежъ себя бесѣды ведемъ... Вдругъ слышимъ: исправникъ съ сельскимъ старостой пріѣхали.

— Вотъ нелегкая принесла! переговариваемся мы въ избѣ, а тѣ ужъ и въ дверь.

— Вы, говорятъ, что же это дѣлаете? Отъ податей отбиваться, а пиры да праздники гора горою справлять!

— Помилуйте, ваше благородіе, да нешь мы часто эти пиры-то справляемъ? Разъ въ годъ только у насъ престолъ-то бываетъ, говорятъ мужики.

— За послѣднюю треть подавай подати, подавай! требуетъ исправникъ. — Никакъ нѣту, еще не при деньгахъ, говорятъ всѣ. — А на пьянство есть деньги? Старшина! Нечего съ ними съ пьяницами попусту рѣчи тратить—опиши-ка ты у нихъ имущество!—По моему, говоритъ старшина,—сперва наперво надо изъ нихъ блохъ повыпужать, ваше благородіе, а послѣ ужъ за имущество... Вотъ я пошлю сичасъ за волостными судьями... Мы здѣсь, говорятъ судьи и лѣзутъ въ избу. — Ну, теперь розогъ! кричитъ исправникъ. Гляжу, и розги говорятъ, мы здѣсь, ваше благородіе,—и тоже въ избу ползутъ,—жидкія такія, длинныя... Всѣхъ мужиковъ перебрали, — дошла очередь до меня.

— Я не здѣшній, говорю:—я изъ Арменокъ!—«А по насъ, говорятъ, хоть бы ты изъ аду былъ, такъ намъ все равно... Намъ, толкуютъ:—все равно, кого ни полосовать... Ну, я вижу, что тутъ ничего не подѣлаешь—легъ подъ розги безъ всякаго спору. И ужъ тутъ драли меня, тутъ драли—въ жисть мою такой порки не только надъ собой, надъ другими не видывалъ! И реву я, братцы, подъ розгами, горько,—словно волкъ вою!.. Вдругъ голосъ: Галченокъ, о чемъ ты, дуракъ ревешь? Проснулся: стоитъ передо мною поповъ работникъ, а самъ я лежу въ соломѣ у своего овина—а тутъ Арменки и на дворѣ свѣтло!

— Принялся я тутъ, братцы мои, на нашу церковь креститься! Долго молился... Да вотъ съ тѣхъ поръ и не пью... Ну ее совсѣмъ! такъ закончилъ Галченокъ свой разсказъ и вылилъ изъ полштофа послѣднюю водку. Такъ вотъ иногда съ пріятелями побалуешься по малости, а что бы, то есть вдосталь,—шалишь...

— Да это какая же питва? протяжно и уныло толкуютъ мужики. Это что за питье! Въ прохладѣ полштофа выпить!.. Это, братъ, не бѣда!.. А вотъ этакъ-то ежели...

— Да этакъ-то ежели, такъ Боже избави!.. подхватили на сосѣднихъ столахъ.

— Ну, Галченокъ, помаялся же братъ, ты! Здóрово пробралъ тебя лѣшачокъ!.. Хорошо, что Богъ избавилъ, а то бы тутъ...

— Извѣстно! извѣстно!.. Тутъ бы ты совсѣмъ загинуть долженъ... Да-вай-те-ка, ребята, на складчину... Всей компаньей!.. Да право ей-Богу! По дворамъ еще рано идти; а тутъ еще можетъ, кто-нибудь другую рацею разскажетъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята! Чудесное дѣло задумали! единодушно согласились мужики, вытаскивая изъ запазухъ кожаные кошели и звеня мѣдными деньгами.

Долго еще мужики сидѣли въ трактирѣ, около желѣзной печки. Никому не хотѣлось отъ такой благодати домой идти.

А между тѣмъ на дворѣ мятель мететъ, такъ и крутитъ, и вѣтеръ злобно и неотхотно воетъ въ маленькія оконца хатъ. Въ этихъ оконцахъ кое-гдѣ еще чуть-чуть брезжетъ лучина, ожидающая, когда придетъ ночевать владыка и хозяинъ дома.

— Слышь; вонъ какъ лѣшіе-то разгалдѣлись! переговариваются въ трактирномъ теплѣ хозяева и владыки сельскихъ избенокъ. Попадись къ нимъ теперь въ лапы живая душа,—ну и простись съ бѣлымъ свѣтомъ!

Боятся у насъ на Руси нечистой силы до смерти! и какъ не бояться, когда рѣки у насъ бездонныя, поля неоглядныя, а лѣса, суровыми дремучими борами на многія тысячи верстъ идутъ... По такому раздолью не гулять нечистой силѣ, такъ гдѣ-жъ ей и гулять?.. Да ее съ этого полевого и лѣсного раздолья никакими кольями не выгонишь, и изъ недовѣдомыхъ рѣчныхъ омутовъ никакими удáми не выловишь... Да когда же это нашъ край просвѣтится?! Ровно ужъ и не дождешься!..

Ф. Нефедовъ.

ПИЩА
КАКЪ ПРЕДМЕТЪ ЭКОНОМІИ.

I.

Каждый изъ насъ въ своей практической жизни руководится весьма простой системой дѣйствія, основанной на постоянныхъ измѣреніяхъ и взвѣшиваніяхъ тѣхъ условій, изъ которыхъ слагается его жизнь. Каждый знаетъ за собой извѣстный рядъ потребностей съ одной стороны и рядъ средствъ съ другой, которыя даетъ ему его внѣшнее положеніе на удовлетвореніе этихъ потребностей. Каждый имѣетъ свое болѣе или менѣе опредѣленное представленіе не только объ отдѣльныхъ видахъ этихъ потребностей, но и объ относительномъ ихъ вѣсѣ и значеніи для жизни; каждый измѣрилъ ихъ до извѣстной степени количественно и относительно другъ друга, и относительно тѣхъ средствъ, которыми обладаетъ для ихъ удовлетворенія. По крайней мѣрѣ дѣйствія каждаго могутъ разсматриваться не иначе, какъ результатъ такого разсчета, вѣрнаго или нѣтъ, яснаго или смутнаго—это другой вопросъ, но неизбѣжно разсчета. Каждый является опредѣлителемъ числа, качества, степени настоятельности или уступчивости и мѣры своихъ потребностей и опредѣлителемъ числа и мѣры своихъ средствъ, и въ основѣ практической дѣятельности каждаго лежитъ цѣльная система разсчета. Начало подобной системы родилось у человѣка, можно сказать, съ первымъ его появленіемъ. Изъ первыхъ своихъ столкновеній съ окружающимъ міромъ онъ долженъ былъ узнать мѣру опасностей, которую несетъ отъ встрѣчи и столкновенія съ тѣми или другими звѣрями, людьми или внѣшними явленіями; мѣру труда,

LIBRARY OF CONGRESS
00024215210